

Нань Чуцин присела на корточки и, положив обе руки на колени, наблюдала, как Чжао Цзянсюэ упаковывает вещи, явно не собираясь помогать.

Чжао Цзянсюэ не смела указывать ей на работу, поэтому оставалось только позволить ей смотреть.

Но как же неудобно ей было!

Уложив коробку со снеками, Чжао Цзянсюэ запечатала её скотчем.

Нань Чуцин наконец заговорила:

— Кому ты всё это отправляешь?

— Домой, — ответив, Чжао Цзянсюэ замерла, а затем боязливо переспросила: — Можно? — Она повернула голову, немного тревожась.

Нань Чуцин ничего не ответила, лишь пристально глядя на неё.

Та с замирающим сердцем продолжила упаковывать, но чем дальше, тем тревожнее ей становилось, и она не удержалась от объяснений:

— Понимаете, у меня дома много людей, и мы очень бедны, поэтому... то есть они никогда не пробовали таких хороших вещей, э-э... — Она осеклась.

— Много людей? — наугад зацепилась за фразу Нань Чуцин.

— Угу, сейчас в обители живут еще тридцать шесть человек, остальные учатся в школе, а на выходные тоже возвращаются.

— Обитель? — Нань Чуцин снова зацепилась за слово.

Чжао Цзянсюэ оглянулась на неё: та по-прежнему смотрела в упор. У Чжао Цзянсюэ мурашки побежали по спине, но она всё же кивнула и протянула:

— Угу.

Ей самой всё это казалось совершенно обычным, а вот у Нань Чуцин в голове забурлили пузыри сомнений.

Когда Чжао Цзянсюэ наполовину заполнила вторую коробку, Нань Чуцин подобрала более деликатную формулировку и произнесла:

— Твоя мама... очень способная.

— М? — растерялась Чжао Цзянсюэ.

— Столько членов семьи, — Нань Чуцин замолчала, чувствуя, что вышло не очень тактично.

Однако Чжао Цзянсюэ рассмеялась, повернулась к ней и совершенно искренне объяснила:

— Я выросла в даосской обители. Когда мне было семнадцать, наставник подобрал меня на склоне горы. Он привёл меня в обитель и вырастил, а потом стал брать к себе других сирот. Сейчас там живут триб человек. Ах да, обитель принадлежит моему наставнику. — Она говорила совершенно непринуждённо, лицо её расслабилось, в голосе проскользнуло лёгкое воодушевление — ни единой жалобы на судьбу, а в самом конце даже проступила гордость.

Нань Чуцин замерла. Ей было трудно представить, какой жизнью жили эта обитель, этот даос, целая толпа детей? Но в тот же миг она поняла, почему Чжао Цзянсюэ такая бедная.

Внезапно Нань Чуцин вспомнила фразу, которую когда-то прочитала: «Когда тебе захочется критиковать кого-либо, помни, что не все люди на этом свете обладали теми преимуществами, которыми обладал ты». Эти слова камнем упали в сердце Нань Чуцин, глубоко задев её, словно тяжёлый, летящий обратно бумеранг.

Глядя на суетящегося перед ней маленького муравьишку, она вдруг почувствовала укор совести.

Как она могла смотреть на неё свысока сегодня в обед?

— Это... сюда положить? — она сама протянула руку за пакетом с сухофруктами.

Чжао Цзянсюэ вздрогнула и торопливо выхватила его:

— Я сама! — Тьфу ты, что это главная начальница удумала? До чего ж жутко.

Лишившись пакета с сухофруктами, Нань Чуцин больше ничего не сказала. Она лишь присела на корточки рядом и стала наблюдать; когда у неё устали ноги, она поднялась и села на стул, не сводя с Чжао Цзянсюэ глаз.

Чжао Цзянсюэ чувствовала себя ужасно скованно. Она ведь так хотела сфотографировать всё для наставника, рассказать ему, какая это дорогая вещь, а какая та, но из-за этого вмешательства Нань Чуцин она не могла сделать ничего.

Быстро закончив упаковку, она потянулась и сказала Нань Чуцин:

— Босс, я пойду отправлю курьерскую доставку.

— Мм. — Нань Чуцин встала, но уходить по-прежнему не собиралась.

Мысленно Чжао Цзянсюэ вовсю ругалась: ну и чудная она всё-таки. Сердцем неплохая, но странная. Наверное, любит наблюдать за людьми — у каждого должны быть свои причуды; к тому же она не зависает в телефоне и, похоже, у неё совсем нет друзей, вот и любит поглазеть на людей. К тому же, раз она такая красивая, нет ничего удивительного, что на неё смотрят лишний раз.

Она беспрерывно занималась самовнушением, оправдывая чужое поведение, и заодно щедро расхвалила саму себя.

Вдвоём они перенесли вещи в машину. Точнее, говорили, что вдвоём, но на деле всё переносила одна Чжао Цзянсюэ, а Нань Чуцин просто ходила за ней хвостом. Та делала ходки туда и обратно, и Нань Чуцин неотступно следовала за ней — всего они сходили три раза, молча и жутковато.

Усевшись в машину, Чжао Цзянсюэ первым делом полезла в телефон и переименовала контакт Босс в Франкенштейн.

По её мнению, поведение Нань Чуцин уже нельзя было назвать просто странным. Люди не рождаются такими, да и лишиться всякой чувствительности человек не может. Но Нань Чуцин явно перестала быть человеком — её поступки пугали до мурашек.

Добравшись до пункта выдачи, Чжао Цзянсюэ отправила посылку, а заплатила Нань Чуцин.

Девушка изначально собиралась занять денег у знакомых, но стоило сотруднику назвать сумму в восемьдесят юаней, как Нань Чуцин тут же достала телефон. Так что Чжао Цзянсюэ просто притворилась страусом и позволила ей расплатиться.

Выйдя из отделения, Чжао Цзянсюэ зажмурилась от палящего солнца и поинтересовалась:

— Босс, куда мы теперь?

Нань Чуцин промолчала.

Чжао Цзянсюэ бросила на неё косой взгляд, не зная, что и делать: ей казалось, что спутница абсолютно свободна и у неё нет никаких целей.

Они сели в машину, и Чжао Цзянсюэ украдкой принялась разглядывать Нань Чуцин в зеркало заднего вида: бледная, отстранённая, она излучала неземную, оторванную от суеты красоту, от которой веяло такой недостижимостью, что приближаться не хотелось.

В Чжао Цзянсюэ вдруг разыгралась вредная искорка: ей захотелось узнать, где же у этой женщины предел терпения.

Она бесцельно вырулила на дорогу. Шэньчжэнь огромен, и здесь оставалось ещё масса мест, где она никогда не бывала. И хотя формально они катались ради Нань Чуцин, по мере езды Чжао Цзянсюэ всё больше казалось, что она знакомится с городом для самой себя.

Солнце палило нещадно, асфальт слепил глаза, а поднимающиеся струйки горячего воздуха делали всё вокруг зыбким. Даже во второй половине дня на улицах толпилось много народу; прохожие семенили спешной походкой, и пышные кроны деревьев не могли спасти от летнего зноя. Дворник присел отдохнуть в тени, пристроив метлу рядом и прикрыв лицо шляпой; автобусы тащились черепашьям шагом, и у каждой остановки сбилась целая толпа ожидающих.

Сама того не заметив, Чжао Цзянсюэ доехала до своего университета. Припарковавшись, она бросила: Босс, я кое-что куплю, — и бегом направилась в ближайшую лавку с бабл-ти за двумя стаканами лимонада.

Она вернулась очень быстро, постучала в окно автомобиля и с сияющей улыбкой протянула один стакан Нань Чуцин:

— Держите, чисто натуральный, без добавок: только мёд, лимон и питьевая вода. Очень чистый, я сама видела, как его делали.

Нань Чуцин подняла ресницы и взглянула на неё. На лбу девушки блестели капельки пота. Взгляд Нань Чуцин скользнул по её белым и тонким рукам, на которых виднелись два бледных красных следа, и в конце концов остановился на стакане с лимонадом. Две дольки лимона тихо покоились на дне прозрачного сосуда, стенки покрылись кружевной дымкой конденсата, капли которого казались обхватившими её пальцы.

Нань Чуцин снова перевела взгляд вверх: глаза Чжао Цзянсюэ лучились ярким, искрящимся светом, озаренные широкой улыбкой, и во всём её взоре отражалась только она сама.

Сердечко Нань Чуцин пропустило удар.

Ни слова не говоря, она взяла лимонад, взяла трубочку, воткнула её и сделала маленький глоток. Очень холодно, очень освежающе, с приятным сладковатым послевкусием.

Чжао Цзянсюэ забралась на водительское сиденье и поделилась:

— Хотя это заведение и специализируется на чае с молоком, лимонад у них самый вкусный. Я уже пробовала его как-то раз. — Правда, дороговато — восемь юаней за стакан.

Лимонад и вправду оказался восхитительным.

В половине восьмого вечера Чжао Цзянсюэ вовремя доставила Нань Чуцин к бару 1988, а сама осталась дежурить на углу.

Чжао Цзянсюэ никогда прежде не бывала в барах. Чжао Цзянлян как-то говорил ей, что если она захочет зайти в бар, то сможет гулять там абсолютно бесплатно. Но ей было неинтересно — её в принципе не привлекала эта пестрая, пропитанная праздностью жизнь, к тому же она терпеть не могла тесных физических контактов с чужими людьми.

Около десяти часов Нань Чуцин вышла. Она немного выпила, и её лицо порозовело. Открывая для неё заднюю дверь машины, Чжао Цзянсюэ уловила исходивший от неё шлейф дорогих духов, смешанный с запахом алкоголя и табачного дыма. Поморщившись, она подумала, что Нань Чуцин совсем не место в подобных заведениях.

Этой ночью Нань Чуцин приснился сон: пара лучистых, сияющих глаз.

<http://bllate.org/book/22463/2363262>